

ЭТО МЫ, ГОСПОДИ!

Анатолий ПРИСТАВКИН

Общая газ - 2000 - 12 окт. - 9.
Армейский синдром

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ назад газеты обошло сообщение о том, что сержант-срочник Скоробогатых расстрелял своих товарищей в караульном помещении на территории оборонного завода «Урал» в Соликамске, где он нес службу, и бежал. Двое военнослужащих убиты, шестеро ранены.

Я сейчас не об этом случае, подобных которому было в последнее время много. Я о российской армии – слепке нашего общества, но в еще более неприглядном тяжком варианте. Беспредел и жестокость вокруг нас, перенесенные на благодатную армейскую почву, дают чудовищные всходы. Хуже (но и то об этом можно спорить) выглядит лишь наша тюремная система.

В давние времена воинской службы у нас во взводе не без насмешки произносили не только: «солдат должен, солдат обязан, солдат не имеет права!» Но и умиротворяющее: «солдат спит, а служба идет». Как идет? А так: «Первый год за страх, второй за совесть, а третий – кто кого объе... объегорит...» И спасительная «солдатская геометрия»: «Всякая кривая короче прямой, проходящей мимо начальства!» Ну, а если не удалось обогнуть, можно получить свыше приказ рыть канаву от забора до обеда. Опять же, надо при этом помнить: «не спеши выполнять приказ, ибо поступит команда «отставить!».

Запомнилось это, как и многое другое, лишь потому, что совпадало даже в подробностях с повседневной армейской жизнью. А жизнь была такая, что всей ротой хоронили брошенный кем-то окурок, совершив для этого марш-бросок с лопатами и при полной выкладке на десяток километров; отдавали честь столбу, проходя мимо него строевым шагом, шлифовали животами землю на плацу, проползая по-пластунски десять (двадцать, тридцать и т.д.) раз туда и обратно; прыгали через «коня», поставленного у входа в столовую; и тех, кто не мог перепрыгнуть, не допускали к обеду. Много изощренных способов унижить новобранцев было. Запомнились ночные подъемы и зажженная спичка в руках сержанта: пока она горит, надо было проснуться, вскочить с постели, одеться-обуться и встать в строй. За одну ночь так могло повториться два-три раза. А всего и причин что подгулявший сержант недопил или получил по морде от своей барышни и теперь вымещал злость на солдатах. Ну, а тех, кто не успевал подняться, тут же направляли драить полы, в кухонный, особо тяжкий наряд...

С давних времен моей службы положение в армии несколько не улучшилось. Мой племянник рассказывал об издевательствах «дедов» – таких, каких мы не знали. Уходя из армии, его дружки в сердцах разодрали до лоскутков на нем уже ненужную, слава богу, гимнастерку, вымещая на ней всю ненависть, накопившуюся к нелюбимой службе. Уголовные дела, заведенные на военнослужащих, которые мы читаем в Комиссии по помилованию, подтверждают: армия по-прежнему – зона, закрытая для критики. Она стала для миллионов молодых душ страшным испытанием, ломающим неокрепшие характеры. Многие, мы даже не знаем сколько их, не выдерживали дедовщины и кончали жизнь самоубийством. Другие, прежде чем это сделать, расстреливали своих мучителей и шли в тюрьму или даже на смертную казнь.

Война в Чечне, варварская, позорная, под бездарным командованием наших генералов, открыла удивленному обществу свою чудовищную изнанку: дезорганизованная, не способная ни к каким реальным боевым действиям, она оказалась менее профессиональной, чем необученные чеченские ополченцы. При всей закрытости информации, цензуре на всё, что поступает с Кавказа (будучи в Моздоке, я видел, как засвечивали пленки у корреспондентов, как блокировали телевизионщиков из НТВ, называя их «голосом Дудаева»), до нас доходят сведения о бессмысленной гибели одних, о мародерстве и жестокости других, о наркомании, цинизме, торговле оружием третьих... Вслед за «афганским синдромом», вызвавшим волну преступлений вернувшихся домой и не сумевших обрести себя, – возник «чеченский синдром». Даже зная количество жертв и почти привыкнув к ним, мы никогда не узнаем, сколько молодых душ реально сломала эта война.

Поскольку армия – слепок нашего общества, никакие реформы, никакие структурные внутриармейские изменения, никакие перестановки в генералитете не могут изменить ее нравственного климата. И когда в ней происходит нечто чрезвычайное, мы должны знать: этого не могло не случиться. Можно задним числом найти и разжаловать виноватых, хотя, скорей всего, ничего этого не будет. Можно осудить «стрелочников», заменить командиров, навести порядок, а что-то свалить и на нового президента, но невозможно предотвратить другие грядущие трагедии.

254